УДК 355.331”194”

Самохин Андрей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Дальневосточного института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (г. Хабаровск). *E-mail: samohin.a.v@mail.ru*

А.В. Самохин
A.V. Samokhin

Реорганизация высшего военного управления СССР в 1950 г. в условиях военно-политического противостояния с США во второй половине 1940-х гг.

Статья посвящена проблеме реорганизации высшего военного управления СССР в условиях влияния внешних военно-политических факторов. Целью данной статьи является выяснение группы военно-политических факторов, вызвавших изменения в военном управлении, которые произошли в 1950 г. Научная новизна статьи заключается в том, что автором впервые предпринята попытка исследования проблемы взаимосвязи изменений в военном управлении Советской армией и факторами военно-политического противостояния СССР и США. На основе, прежде всего, исторических документов автор делает вывод о том, что стремительное развитие событий конца 1949 – начала 1950 гг., вызвавшее начало нового витка военно-политического противостояния СССР и США, привело советское руководство к решению о разделении единого Министерства Вооруженных сил на два – Военное и Военно-морское. Одновременно учреждался и высший государственный орган управления Вооруженными силами Союза ССР – Высший военный совет при Совете министров во главе с И.В. Сталиным.

Reform of Higher Military Control of the USSR Caused by the Military-Political Rivalry with the United States

The article deals with the reorganization of higher military control of the USSR and the influence on it of external military and political factors. The purpose of this article is to determine the group of military-political factors have caused the changes in the military government that took place in 1950 Scientific novelty of the article is that the author of the first attempt to study the problem of relationships between changes in the military government of the Soviet Army and the factors of military-political confrontation USSR and the USA. Based primarily historical documents, the author concludes that the rapid development of the events of late 1949 - early 1950 caused the beginning of a new round of military-political confrontation between the USSR and the United States forced the Soviet

leadership to divide a single Ministry of the Armed Forces for two - Military and Naval . At the same time , establish and highest state authority of the Armed Forces of the USSR – the Supreme Military Council , Council of Ministers , headed by Stalin.

Ключевые слова: *советская военная политика, высшее военное управление СССР, Военное министерство, Военно-морское министерство, Высший военный совет.*

Keywords: *soviet military policy, senior military leadership of the USSR, the War Department, Department of the Navy, the Supreme Military Council.*

В 1950 г. была проведена реформа высшего управления Советских Вооруженных сил. Указом Президиума Верховного Совета СССР из состава Министерства Вооруженных Сил СССР были выделены Военно-морские силы и образовано Военно-морское министерство СССР. В связи с этим, Министерство Вооруженных сил СССР было переименовано в Военное министерство (далее – ВМ) СССР [4; ф. 4. Оп. 12. Д. 124. Л. 428 – 429]. Одновременно было произведено соответствующее переименование центральных учреждений и ведомств ВМ СССР [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 101. Л. 251 – 253].

В принципе, реформы возвращали довоенную систему управления вооруженными силами, когда существовали два наркомата – Обороны и ВМФ.

Во главе Военного министерства Союза ССР стоял Военный министр. Высшим органом в Военном министерстве Союза ССР являлся Главный военный совет (далее – ГВС). Председателем Главного военного совета был военный министр, он же – Главнокомандующий Советской армией. Ему непосредственно подчинялись все войска, учреждения и заведения, входившие в состав Советской армии. Члены ГВС назначались Советом министров СССР. Решения Главного военного совета были обязательны для военного министра [13; с. 120].

Появление ГВС в Военном министерстве обосновывалось отсутствием в его составе высшего коллегиального органа, на заседаниях которого обсуждались бы и решались важные вопросы деятельности министерства. До Великой Отечественной войны при наркомате обороны такой орган функционировал [4; ф. 4. Оп. 15. Д. 17. Л. 74], но в связи с образованием 23 июня 1941 г. Ставки Главного командования Главный военный совет прекратил свою деятельность.

Вновь образованный ГВС являлся высшим органом военного управления, решения которого были обязательны и для военного министра.

Распоряжения Главного военного совета проводились в жизнь приказами военного министра, если эти решения не выносились на

рассмотрение Высшего военного совета или Совета министров Союза ССР. Заседания Главного военного совета созывались один раз в три месяца.

Устанавливалось, что решения по каждому рассматриваемому вопросу принимались большинством голосов членов Главного военного совета после тщательного обсуждения каждого вопроса. Каждый член Главного военного совета имел право свободно высказывать свою точку зрения и выступать со своими предложениями [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 97. Л. 152].

В состав ГВС вошли: члены высшего советского руководства (Г.М. Маленков, Л.П. Берия, Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, Н.С. Хрущев, С.М. Буденный), заместители военного министра (И.С. Конев, В.Д. Соколовский, Н.Д. Яковлев), работники ГШ (С.М. Штеменко, А.И. Антонов, М.В. Захаров, Ф.Ф. Кузнецов), командующие родами войск (Н.Н. Воронов, Л.А. Говоров, П.Ф. Жигарев). Кроме того, в состав совета вошли командующие основными стратегическими направлениями: В.И. Чуйков – командующий Группой Советских войск в Германии и Р.Я. Малиновский – командующий войсками Дальнего Востока. Членами совета стали командующие главных военных округов страны: П.А. Артемьев (Московский ВО), А.А. Гречко (Киевский ВО), Г.К. Жуков (Уральский ВО), А.А. Лучинский (Ленинградский ВО), К.А. Мерецков (Беломорский ВО), С.К. Тимошенко (Белорусский ВО) [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 97. Л. 153 – 154].

Постановлением Совета министров СССР от 29 июня 1950 г. № 2827-1125с были уточнены права, обязанности и порядок работы ГВС: отныне он подчинялся Совету министров СССР.

На Главный военный совет возлагалось рассмотрение и решение всех важных вопросов, относящихся к боевой готовности войск, их надлежащему устройству, оснащению вооружением, техникой и другими видами снабжения, партийно-политической работы в армии. Кроме того, новое постановление включало в круг обязанностей ГВС: организацию ПВО войск и территории страны; подготовку театров военных действий; оперативную подготовку штабов и высшего командного состава; подготовку офицерских кадров и прохождение военной службы; внедрение опыта Великой Отечественной войны в практику подготовки войск; научно-исследовательскую и опытную работу. Главный военный совет рассматривал воинские уставы и основные наставления, подлежащие утверждению военным министром.

ГВС получил право по мере необходимости заслушивать отчеты: главнокомандующих и командующих родами войск, главнокомандующих группами войск, командующих войсками военных округов, районов ПВО, армий и командиров соединений; начальника Генерального штаба, заместителей военного министра, начальников главных управлений Военного министерства, начальников военно-учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, а также председателей центральных комитетов Добровольных обществ содействия армии и авиации.

Порядок работы Главного военного совета не претерпел серьезных изменений, кроме введения должности секретаря, назначаемого военным министром [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 103. Л. 16 – 19].

Постановлением Совета министров СССР от 4 марта 1950 г. за № 820-296сс был упразднен существовавший до этого Высший военный совет как совещательный орган при Министре Вооруженных сил. Вместо него учреждался Высший военный совет при Совете министров Союза ССР. Основными задачами совета стали: рассмотрение вопросов обороны страны и строительства Вооруженных сил, координация работы Военного министерства и Военно-морского министерства, рассмотрение представлений Главных военных советов Военного министерства и Военно-морского министерства по вопросам строительства и развития Сухопутных, Воздушных и Военно-морских сил, соответственно.

Председателем Высшего военного совета являлся председатель Совета министров Союза ССР, а члены Высшего военного совета назначались Советом министров СССР [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 97. Л. 155 – 156].

Одновременно с изменениями в ГВС, в этот же день, Постановлением Совета министров СССР № 2828-1126с в военных округах, группах войск, армий, районов ПВО и родах войск Советской армии вводились соответствующие военные советы, на которые возлагалась ответственность перед правительством и военным министром за все стороны жизни и деятельности вверенных им войск; указанные военные советы получили права решающих органов по руководству войсками [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 103. Л. 20 – 23].

На Военное министерство СССР возлагалось: руководство Советской армией (далее – СА); разработка планов её строительства и развития; совершенствование организации войск, вооружения, боевой техники и вопросов боевого и оперативного использования войск; разработка проблем ведения войны и вопросов военной теории; разработка мобилизационного и оперативного плана; организация противовоздушной обороны; ведение военно-стратегической разведки; обучение и воспитание личного состава войск СА и поддержание постоянной боевой их готовности; обеспечение Советской армии имуществом, вооружением и всеми другими видами снабжения и обслуживания, и др.

В состав Военного министерства, с непосредственным подчинением военному министру, вошли: Генеральный штаб; Главнокомандующий Военно-воздушными силами; командующие войсками противовоздушной обороны страны, воздушно-десантной армией, артиллерией, бронетанковыми и механизированными войсками и кавалерией; начальники инженерных и химических войск и войск связи; Главное политическое управление Советской армии; Управление высших военно-учебных заведений; Финансовое управление; Канцелярия Военного министерства; Высшая военная академия им. К.Е. Ворошилова; Академия артиллерийских наук [13; с. 120 – 121].

В связи с формированием новой управленческой структуры – Военного министерства – весной 1950 г. Постановлением Совета министров СССР №1268-467сс была упразднена должность Главнокомандующего Сухопутными войсками и органов управления, ему подчиненных: Главного штаба, Политического управления, Управления кадров, военной прокуратуры и Управления военных трибуналов Сухопутных войск [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 98. Л. 21 – 23].

Формирование Военно-морского министерства как отдельного военного ведомства было вызвано провалом программы советского кораблестроения.

Здесь необходимо напомнить суть проблемы.

По приказу наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова в январе 1945 г. была образована комиссия для подготовки материалов по развитию перспективных кораблей. Главный морской штаб (далее – ГМШ) летом 1945 г. разработал предложения ВМФ по десятилетнему плану военного кораблестроения на 1946 – 1955 гг. По этому плану, к 1 января 1956 г. ВМФ должен был иметь: 4 линейных корабля, 10 тяжелых крейсеров, 30 крейсеров, 54 легких крейсера, 6 эскадренных авианосцев, 6 малых авианосцев, 132 больших эсминца, 226 эсминцев, 268 больших, 204 средних и 123 малые подводные лодки. Предусматривалось создание и других классов кораблей.

В сентябре 1945 г. на совещании у И.В. Сталина были рассмотрены предложения ГМШ ВМФ в несколько сокращенном варианте. Строительство авианосцев, линкоров, больших эсминцев было отвергнуто, а других классов кораблей – сокращено. В ходе совещания глава советского правительства высказал своё видение проблемы. Он отметил, что линкоры и авианосцы нужны англичанам и американцам, поскольку те имеют базы за океаном и для них их потеря равносильна смерти. В СССР все сырьевые базы находились внутри страны, и в этом было большое преимущество. В то же время, если бы Советский Союз хотел бы сам напасть на США и Англию, тогда ему понадобился бы мощный океанский флот [12; с. 4 – 33].

В ноябре Совет народных комиссаров СССР своим постановлением утвердил программу строительства (сдачи) кораблей ВМФ: планировалось сдать в 1946 – 1955 гг. 4 тяжелых крейсера, 30 легких крейсеров, 188 эсминцев, 177 сторожевых кораблей, 40 больших, 204 средних и 123 малые подводные лодки, 945 охотников за подводными лодками, 828 торпедных катеров, до 800 тральщиков, 195 десантных кораблей, 1876 вспомогательных судов [9; с. 100].

Такое сокращение судостроительной программы было связано с очень низкими возможностями отечественного судостроения. С целью их развития 10-летняя программа предусматривала значительные капиталовложения в судостроительную отрасль: 10190 млн. руб. за две пятилетки. На эти деньги предполагалось полностью восстановить и расширить все действующие заводы и построить 22 новых, из которых 8 – были бы судостроительного профиля, 4 – судоремонтными, 4 – механическими, 6 – радиолокационными и приборными [8; с. 12 – 15].

1950 г. стал годом подведения итогов первой пятилетки судостроительной программы, а они были неутешительны. За 1946 – 1950 гг. вместо 8 легких крейсеров вступили в строй только 5, вместо 46 эсминцев – 38, вместо 23 сторожевых кораблей – 2, из 60 базовых тральщиков построено было 35, из 17 больших ПЛ – ни одной, из 82 рейдовых тральщиков – 65, из 23 средних ПЛ – 2, из 105 малых ПЛ – 33, из 418 торпедных катеров – 280 [9; с. 101].

В то же время, новый пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1951 – 1955 гг.) предусматривал высокие темпы роста военного судостроения. В 1951 – 1955 гг. должны были быть введены в строй 18 тяжелых крейсеров, 16 легких крейсеров, 57 лидеров эсминцев и 93 миноносца [17; с. 207].

Все это вызвало необходимость формирования нового отдельного Военно-морского министерства, одной из важнейших задач которого стало выполнение программы военно-морского строительства.

С этой целью постановлением правительства предусматривалось обязать Госплан СССР, Госснаб СССР и Министерство финансов СССР выделить из народнохозяйственных планов, установленных для Министерства Вооруженных сил СССР, объем капитального строительства, капитального ремонта и текущего ремонта Военно-морского министерства, а также планы производства по собственным предприятиям Военно-морского министерства и установить планово-экономические и финансовые показатели для строительства и производства [4; ф. 4. Оп. 11. Д. 97. Л. 134 – 140].

Необходимость кардинальных изменений в руководстве Советскими Вооруженными силами необходимо искать в изменении военно-политической ситуации в мире в конце 1949 – начале 1950-х гг. Этот период стал переломным и в военно-политическом противостоянии между СССР и США. Во-первых, в 1949 г. в Советском Союзе была испытана атомная бомба. Еще 6 ноября 1947 г. министр иностранных дел В.М. Молотов сделал заявление относительно атомной бомбы, сказав, что её секрета «… давно уже не существует». Это заявление могло означать, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и имеет его в своём распоряжении. Но в научных кругах США это расценили как блеф, считая, что в СССР смогут создать атомное оружие не ранее 1952 г. В 1946 г. американские ученые, оценивая способность Советского Союза произвести атомное оружие, указывали, что, скорее всего, для этого понадобится 10 лет [23; с. 28].

Заявление В.М. Молотова, в определенном смысле, соответствовало истине, так как в декабре 1946 г. был запущен первый исследовательский ядерный реактор. Правда, до пуска первого промышленного реактора в г. Челябинске-40 на проектную мощность в июне 1948 г. оставалось еще много времени, но об этом не знали и не могли знать в США [20; с. 83].

Испытание первого советского ядерного устройства, получившего обозначение РДС-1, было проведено 29 августа 1949 г. на Семипалатинском полигоне. Мощность взрыва соответствовала расчетной мощности

устройства и составила 22 кт. 3 сентября 1949 г. самолет специальной метеорологической разведывательной службы США взял пробы воздуха в районе Камчатки, и затем американские специалисты обнаружили в них высокую концентрацию радиоактивных изотопов.

23 сентября Президент Г. Трумэн сделал официальное заявление: «… Мы имеем доказательства того, что в СССР в течение последних нескольких недель был произведен ядерный взрыв» [26]. Потом последовало сообщение ТАСС, в котором утверждалось, что в Советском Союзе просто ведутся строительные работы больших масштабов, и что эти работы могли привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза. Что же касается производства атомной бомбы, то в сообщении ТАСС напоминалось о том, что еще в ноябре 1947 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов сделал заявление, которое означало, что «… Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия и имеет его в своем распоряжении» [7; с. 162 – 163].

Испытание советской атомной бомбы вызвало серьезную тревогу в США, поскольку Г. Трумэн, его военные и научные советники были почти полностью лишены информации об освоении атомной энергии в Советском Союзе. Достоверно им было известно лишь то, что обнаружен взрыв советского ядерного устройства, и то, что это событие опередило ближайшие прогнозы американских экспертов.

Теперь, сопоставив эти факты с известным заявлением В.М. Молотова, можно прийти к следующим выводам: во-первых, в США точно не знали, каким по счету был обнаруженный ими взрыв. Хотя американскими учеными-атомщиками к этому времени уже была установлена возможность сбора из облаков с помощью специальных фильтров, установленных на самолетах, элементов радиоактивного распада, однако только между 14 апреля и 14 мая 1948 г. были окончательно отработаны методики определения радиоактивных веществ в атмосфере. Тем самым, стало возможным обнаружение испытаний атомных взрывов вблизи поверхности Земли на больших расстояниях от эпицентра. Но разработанная методика не давала стопроцентных результатов. Между апрелем и августом 1949 г. в 111 образцах, собранных на самолетных фильтрах, была зафиксирована радиоактивность, превышающая природный фон. Неточности методики впоследствии привели к серьезным просчетам американских экспертов с определением даты советского испытания. Почти все они, анализируя данные, были уверены, что взрыв произошел на 30 дней ранее 13 сентября, т. е. 15 – 16 августа [10; с. 24 – 31]. Поскольку до весны 1948 г. подобных методик не было вообще, то определить, какой это был по счету взрыв, не представлялось возможным.

Во-вторых, в США не знали производственных возможностей советской атомной промышленности. Заявление В.М. Молотова в ноябре 1947 г. не означало, что именно в этом году в Советском Союзе началось производство атомной бомбы. Заявление ТАСС 23 сентября 1949 г. также не могло дать точный ответ на этот вопрос.

Здесь хочется отметить, что не только отсутствие в Советском Союзе методики сбора информации о ядерных испытаниях (подобной американской) лежало в основе советского заявления. В СССР полагали, и небезосновательно, что наиболее надежным способом определения производства ядерного взрыва является сейсмический. Потому именно взрывными работами и объясняло ТАСС утверждение Президента США о наличии у СССР атомной бомбы. Есть косвенные данные, позволяющие утверждать, что масштабные взрывные работы, которые проходили в СССР в послевоенные годы, были направлены еще и на то, чтобы имитировать испытания атомного оружия [19; с. 180 – 181].

Метод проб из воздуха в СССР был разработан лишь в 1954 г. Он безошибочно зафиксировал время и место взрыва на атолле Бикини, дата которого была хорошо известна, поскольку от него пострадали японские рыбаки, находившиеся в 165 км от эпицентра взрыва, и об этом было много публикаций. Кстати, новый советский метод (в отличие от американского) давал погрешность не более суток [11; с. 2 – 3].

В ответ на испытания в СССР 19 октября 1949 г. Президент США Г. Трумэн одобрил программу расширенного производства ядерных вооружений [21; с. 520]. Правда, первоначальной реакцией Пентагона на бесспорные доказательства наличия у СССР атомного оружие было предложение – немедленно нанести атомный удар по Советскому Союзу. В большой спешке принимается план «Троян». Датой начала войны против СССР установили 1 января 1950 г. В течение трех месяцев предстояло сбросить примерно 300 атомных и 20 тыс. т обычных бомб на объекты в 100 советских городах. Для этого потребовалось бы 6 тыс. самолетовылетов с баз, расположенных главным образом на Британских островах. Заметим, что в конце 1949 г. США имели около 250 атомных бомб [25; p. 26].

Планируемый удар был смоделирован на штабных играх группой генерал-лейтенанта Д. Хэлла и дал удручающий результат: вероятность достижения самолетами целей составила 70%, что могло повлечь потерю 55% наличного состава бомбардировщиков. А, как показывал опыт Второй Мировой войны, 20% боевых потерь вызывали отказ у американских летчиков продолжать полеты [22; с. 53]. Кроме этого, по ряду технических причин воздушное наступление против СССР не могло быть проведено молниеносно, поскольку атомные бомбардировки планировались только на девятый день открытия боевых действий. А самые оптимистические подсчеты свидетельствовали, что базы на Британских островах будут выведены из строя действиями ВВС СССР, максимум, через два месяца, причем, уже с применением атомного оружия.

Таким образом, получалось, что США, нанеся ужасающий урон городам СССР, почти полностью теряли стратегическую авиацию и не могли защититься от ответного удара. А к этому времени, как считали военные аналитики, Советская армия уже выйдет на берега Атлантического и Индийского океанов. В результате, начальник Оперативного управления штаба ВВС США, генерал-майор, С. Андерсон был вынужден доложить

министру авиации США С. Саймингтону, что американские ВВС не могут выполнить воздушное наступление по плану «Тройан» и обеспечить противовоздушную оборону территории США и Аляски [24; p. 2 – 28].

Известие об успешном испытании советской атомной бомбы вызвало в Вашингтоне настоящий шок и нанесло сокрушающий удар по самим основам американского стратегического планирования. Во все большей части военно-политической элиты США приходило понимание, что ядерное оружие само по себе не может ни гарантировать безопасность Соединенных Штатов, ни обеспечить их интересы в различных регионах планеты [5; с. 143 – 145].

Во-вторых, 1 октября 1949 г. была образована Китайская Народная Республика (далее – КНР). Следствием этого события стал заключенный в г. Москве 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе и союзе между СССР и КНР. Он носил, прежде всего, антиамериканскую направленность и стал ключевым в системе двусторонних договоров между СССР и странами социалистической ориентации на тот период. Именно это отмечали современники в своих официальных комментариях, в частности японская, американская, английская и гоминдановская пресса [2; ф. 82. Оп. 2. Д. 1251. Л. 17, 20, 23, 28, 29, 48, 66, 94].

Кроме того, этот договор в корне изменил геополитическую ситуацию в мире. Советский Союз получил возможность не только упрочить свои военные позиции на Дальнем Востоке, но и перенести центр тяжести военно-политического противостояния с США именно в этот регион, где в случае войны американцы имели серьезное препятствие – Тихий океан. К тому же, американцы лишались, за исключением Южной Кореи, после разгрома Чан Кайши, материковых баз [15; с. 364 – 369].

В-третьих, сохранив в качестве краеугольного камня своей доктрины военно-политического противостояния на Дальнем Востоке желательность американо-китайского военного столкновения, И.В. Сталин видел такую перспективу в возможном участии этих стран в войне за о. Тайвань [16; с. 126 – 137].

Однако к весне 1950 г. стало ясно, что операция по захвату острова, которая могла привести к открытому вмешательству США, вряд ли была осуществима в ближайшем будущем, поскольку без достаточной поддержки с воздуха говорить о высадке десанта на о. Тайване не приходилось. А в ближайшее время, даже с помощью СССР, Китай вряд ли наладил бы выпуск необходимого количества самолетов [3; ф. 8044. Оп. 1. Д. 2064. Л. 181 – 183].

Это понимал и Мао Цзэдун. В результате, руководство КНР официально перенесло нападение на о. Тайвань на весну – лето 1951 г., в то время как ранее планировали высадку десанта летом 1950 г. [1; ф. 07. Оп. 22. Д. 220. П. 36. Л. 62 – 63].

В то же время, Соединенные Штаты активизировали усилия по восстановлению военного потенциала Японии. В мае 1950 г. в ЦК ВКП(б) был получен доклад советского представителя в Союзном Совете для Японии. В нем приводились многочисленные факты, которые однозначно свидетельствовали о том, что США начали возрождение военного

потенциала Японии с целью использовать ее против СССР и КНР [2; ф. 17. Оп. 37. Д. 415. Л. 1 – 112].

В такой ситуации И.В. Сталин выбрал новое направление военно-политического противостояния – корейское. Здесь хочется отметить, что, во-первых, объединение Кореи ставилось им полностью в зависимость от поддержки этого процесса со стороны КНР. Во-вторых, глава советского правительства не только предполагал, что США обязательно вступят в эту войну, но и считал это выгодным для СССР, т. к. эта война предоставляла реальную передышку для укрепления советской обороноспособности. Более того, он предпринял определенные шаги в этом направлении. В-третьих, И.В. Сталин приложил определенные дипломатические усилия для того, чтобы КНР оказала военную помощь КНДР и тем самым вступила в войну с США. В-четвертых, на протяжении всего периода Корейской войны советский лидер прилагал максимум усилий с целью «удержать» КНР и США в состоянии войны, используя для этого как дипломатические, так и экономические методы [14; с.102 – 108].

Еще одним внешнеполитическим фактором, повлиявшим на проведение очередных изменений в системе высшего военного руководства, стали участившиеся случаи нарушения государственной границы СССР американскими самолетами и подводными лодками. Так, с августа по 15 октября 1949 г. был зафиксирован 31 случай нарушения самолетами США и 5 случаев нарушения подводными лодками госграницы Советского Союза. Причем, по-прежнему большая часть нарушений происходила на Дальнем Востоке [2; ф. 82. Оп. 2. Д. 1315. Л. 95 – 100].

Таким образом, стремительное развитие событий конца 1949 – 1950 гг. (создание собственной атомной бомбы, победа китайской революции и заключение советско-китайского Договора о дружбе и союзе, перспектива военного столкновения КНР и США в Корее) вызвали необходимость разделения МВС на два министерства – Военное и Военно-морское – как с целью повышения эффективности управления, так и с целью концентрации усилий государства на решении важнейших задач по укреплению обороноспособности СССР.

Литература и источники:

1. *Архив внешней политики РФ.*
2. *Российский Государственный архив социально-политической истории.*
3. *Российский Государственный архив экономики.*
4. *Российский Государственный военный архив.*
5. *Богданов, Р. Г. США: Военная машина и политика / Р. Г. Богданов. – М. : Наука, 1983.*
6. *Васильев, А. М. Суперлинкоры Сталина. «Советский Союз», «Кронштадт», «Сталинград» / А. М. Васильев, А. Б. Морин. – М. : Коллекция, Яуза, ЭКСМО, 2008.*

7. Внешняя политика Советского Союза. 1949. Документы и материалы. – М. : Госполитиздат, 1953.

8. Кузин, В. П. Военно-морской Флот СССР 1945 – 1991 гг. / В. П. Кузин, В. И. Никольский. – СПб. : Историческое Морское Общество, 1996.

9. Литвиненко, Д. Планы вождя / Д. Литвиненко // Родина. – 1996. – № 7 – 8. – С. 100 – 104.

10. Лобиков, Е. А. Можно ли утаить ядерный взрыв? / Е. А. Лобиков // Знание-Сила. – 2008. – № 4. – С. 24 – 31.

11. Лобиков, Е. А. Проблема обнаружения ядерных взрывов / Е. А. Лобиков // Квант. – 2008. – № 4. – С. 2 – 4.

12. Павлов, А. С. Военные корабли СССР и России 1945 – 1995 гг. / А. С. Павлов. – Якутск : Сахаполиграфиздат, 1994.

13. Приказы министра Вооруженных сил СССР, военного министра СССР и министра обороны СССР. 1950 – 1953 гг. / сост. П. Н. Бобылев [и др.]. – М. : РОССПЭН, 2011.

14. Самохин, А. В. Военно-политические планы И. В. Сталина в Корейской войне / А. В. Самохин // Власть и управление на Востоке России. – 2010. – № 3. – С. 102 – 108.

15. Самохин, А. В. Договор 1950 г. между СССР и КНР и его место в военно-политическом противостоянии СССР и США на Дальнем Востоке / А. В. Самохин // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатских цивилизаций. Пятые Крушановские чтения, 2006 г. – Владивосток, 2008. – Т. 2. – С. 364 – 369.

16. Самохин, А. В. Тайваньская проблема в советско-китайских отношениях 1950 г. / А. В. Самохин // Актуальные проблемы изучения истории стран АТР в XIX – XXI вв. – Хабаровск, 2012. – С. 126 – 137.

17. Симонов, Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление / Н.С. Симонов. – М.: РОСПЭН, 1996.

18. Смирнов, Г. В. Корабли и сражения / Г. В. Смирнов. – М. : Дет. лит-ра, 1987.

19. Советский атомный проект: Конец атомной монополии. Как это было... / Авт. коллектив: Е. А. Негин (рук.), Л. П. Голеусова, Г. Д. Куличков, П. П. Максименко, Г. С. Окутина. – Нижний Новгород : Арзамас-16 : Нижний Новгород, 1995.

20. Создание первой советской ядерной бомбы / под общ. ред. В. Н. Михайлова. – М. : Энергоатомиздат, 1995.

21. Уткин, А. И. Мировая «холодная война» / А. И. Уткин. – М. : Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005.

22. Яковлев, Н. Н. ЦРУ против СССР / Н. Н. Яковлев. – М. : Правда, 1983.

23. Хогертон, Д. Ф. Когда Россия будет иметь атомную бомбу? / Д. Ф. Хогертон. – М., 1948.

24. Drop Shot: The United States Plan for War with the Soviet Union in 1957 / Ed. by A. Brown. – N. Y. : Dial Press/J. Wade, 1978.

25. Rosenberg, D. A. U. S. Nuclear Stockpile 1945 – 1950 / D. A. Rosenberg // Bulletin of the Atomic Scientists, 1982. May. – P. 20 – 48.

26. Statement by President Harry S. Truman on Announcing the First Atomic Explosion in the USSR. – September 23, 1949.